

УДК 911.3:2

КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ГЕОПРОСТРАНСТВО КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ГЕОГРАФИИ РЕЛИГИЙ

© 2014 г. С.А. Горохов

Институт географии РАН

Поступила в редакцию 20.09.2012 г.

Статья посвящена определению конфессионального геопространства как объекта изучения географии религий. Детально анализируется структура религиозной сферы в контексте категории «пространство». Особое внимание уделено выявлению общих элементов конфессионального и географического пространств.

В современных научных работах, посвящённых изучению социальной сферы, в последнее время отмечается особый интерес к исследованию пространственных отношений, названный “пространственным поворотом”. Термин “пространство” ныне широко используется как в различных отраслях географической науки, так и, собственно говоря, фактически во всех других областях научного знания – от философии до физики и от политологии до медицины. Повышенное внимание к категории “пространство” свидетельствует об осознании научным сообществом того факта, что лишенный корректно выстроенной пространственной перспективы взгляд на человека, культуру, социальные отношения и те формы, в которые они отливаются, не просто страдает односторонностью, но порой формирует искажённое представление о действительности, что может иметь самые негативные социально-политические и культурные последствия (см. подробнее [4]). В связи с этим именно от географии – науки, имеющей глубокую “пространственную” традицию, – требуется разработка новых подходов к изучению пространства человеческой деятельности. Последнее, безусловно, столь многогранно, что не может являться объектом единичного исследования. В этой связи в настоящей работе, не претендуя на полноту охвата, мы считаем возможным подробно остановиться лишь на одном из результирующих анализа данного феномена. В качестве такового предлагается итог применения пространственной парадигмы исследования к той стороне человеческого бытия, которая претерпевает непрерывную трансформацию практически со времени появления Homo

sapiens и вплоть до настоящего момента – конфессиональной¹ сфере.

Последняя, без сомнения, все заметнее воздействует на организацию современного общества в целом. Известный американский политолог и геополитик С. Хантингтон выразил ныне фактически господствующее в научных кругах мнение, что “век двадцать первый, судя по всему, обещает стать эпохой религиозного возрождения” [27]. Во всем мире происходит возвращение религии в политику, идеологию и экономику, что дает право говорить о наступлении конца эпохи секуляризма и “реванше Бога” в глобальных масштабах. Тем не менее, до настоящего времени в отечественной географии наблюдается явный дефицит работ, посвященных изучению конфессиональной сферы, с чем связана относительная несформированность теоретического и методологического аппарата ее исследования.

Формирование в географической науке пространственной парадигмы обусловлено, пользуясь терминологией В.Н. Стрелецкого, “хорологизацией географических знаний” [23], в значительной мере связанной с влиянием идей И. Канта, относившего географию к числу хорологических (пространственных) наук. В определении самого термина “пространство” выделяются несколько трактовок, связанных с неоднозначным пониманием данного феномена в философии и естествознании. Так, при субстанциональной интерпретации пространства, опирающейся на труды античных авторов и И. Ньютона, оно пони-

¹ Несмотря на существующие отличия, в настоящей работе термины “конфессия” и «религия» рассматриваются нами как синонимы.

малось как особая сущность – вместилище материальных объектов. В то же время в *реляционной* трактовке, восходившей к трудам Г.-В. Лейбница, пространство ассоциировалось с миром этих объектов, с порядком сосуществования вещей. Г.-В. Лейбниц акцентировал внимание на том, что он рассматривает “пространство, так же как и время, чем-то чисто относительным: пространство – порядком сосуществований, а время – порядком последовательностей. Ибо пространство с точки зрения возможности *обозначает порядок одновременных вещей, поскольку они существуют совместно*, не касаясь их специфического способа бытия. Когда видят несколько вещей вместе, то осознают порядок, в котором вещи находятся по отношению друг к другу” [14].

Однако, как пишет В.Н. Стрелецкий, для географов на первых порах концепция пространства-вместилища казалась более понятной и практически значимой, в то время как «осмысление “заполненного” анизотропного пространства как *мира всего сущего*, отношений между объектами, пробивало себе дорогу труднее и дольше» [23].

Тем не менее, опираясь на понимание феномена “пространство” Г.-В. Лейбницем, мы вправе применять данную категорию к “измерению” не только физических объектов (обладающих собственным физическим пространством), но также явлений не материальных, таких как культура и религия, и даже воображаемых или условных. Важным представляется также то, что понимание пространства как порядка одновременных вещей позволяет, как отмечает А.С. Титков, устанавливать “структурное соответствие между упорядоченностью географического пространства, с одной стороны, и упорядоченностью какого-либо явления, социального или природного, с другой; оно может быть понято и описано как упорядоченность данного явления одновременно в двух или более пространствах – в географическом пространстве и в условных пространствах категорий и признаков, значимых для данного явления” [24, с. 35]. Таким образом, изучение *конфессиональной сферы*² “пространственными средствами”

должно предваряться установлением “соответствия” двух пространств – географического и конфессионального.

Наиболее емкое (хотя и не лишнее в своей основе некоторых противоречий) определение конфессионального пространства предложено, на наш взгляд, отечественным философом и социологом Р.А. Лопаткиным. По его мнению, оно “... определяется наличием, функционированием и взаимодействием в пределах определенного физического пространства агентов и групп агентов представляющих различные религии...” [15]. Данный взгляд является своего рода развитием идей П.А. Сорокина и П. Бурдьё о пространстве как порядке социальных позиций, структурируемом статусами социальных акторов (см., например, [6, 22]). В числе последних Р.А. Лопаткин выделяет, с одной стороны, различные религиозные институты, включая образовательные учреждения и специализированные СМИ, с другой – конфессионально идентифицирующих себя индивидов и их группы различных масштабов. В отечественной географии религий в настоящее время преобладающей является схожая точка зрения, в соответствии с которой “... религиозное пространство понимается как соотношение территориальных сфер влияния основных религий” [20, с. 6]. Очевидно, что основное отличие данного определения от предложенных выше “социальных” аналогов заключается в его территориальной сути. В то же время оно не лишено вполне серьезных противоречий.

Действительно, представляя собой “способ существования объективного мира, неразрывно связанный со временем” [19], пространство само по себе не “нуждается” в территории. Территория может выступать лишь в качестве одной из одновременно существующих форм организации пространства, и не более того³. Иной подобной формой является религия, то есть конфессиональное и географическое пространство как таковые существуют одновременно, не порождая одно другое и не входя полностью в состав друг в друга. С другой стороны, нельзя исключать возможность существования акторов, определяемого и

² Вплоть до настоящего времени конфессиональная сфера является объектом изучения практически всех – за редким исключением – общественных наук. К сожалению, в число “конфессиональных аутсайдеров” фактически входит та ветвь географии, которая занимается изучением территориальной организации общества. Действительно, в советский период приоритет в изучении религий оставался за историей (точнее, тем ее направлением – этнологией, которое включено в число исторических наук в соответствии с номенклатурой ВАК); в дальнейшем религия так или иначе стала фигурировать в паспортах специальностей наук фи-

лософских, социологических, политических, культурологии. “Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география” пока же подобной чести удостоена не была. Как, впрочем, и экономические науки...

³ В этой связи трудно согласиться с мнением Е.Г. Трубиной, фактически отождествляющей понятия “пространство” и “территория”: “... как всем известно, пространством занимается география и на, первый взгляд, резонно считать, что, раз происходит поворот к пространству, то это к географии должны по нарастающей стать открытыми другие дисциплины” [26].

территориальными, и конфессиональными категориями одновременно. В том случае, если нам удастся подтвердить данный факт, то мы будем иметь возможность “определения” конфессионального пространства с географической (территориальной) точки зрения. На настоящем же этапе следует признать не совсем корректным употребление словосочетания “конфессиональное пространство России” и ему в территориальном отношении подобных. Действительно, в этом случае мы а priori подчеркиваем наличие территориальной структуры конфессионального пространства, что, строго говоря, требует доказательств. Поиск таковых необходимо начинать, как представляется, с анализа компонентной структуры конфессиональной сферы, поскольку именно существование последней и определяется, в конечном счете, категорией “конфессиональное пространство”.

В среде отечественных специалистов по географии религий преобладает мнение, что к числу элементов конфессиональной сферы “... кроме ... людей, носителей религиозного сознания в форме веры или религиозно-культурной традиции, можно отнести материальные объекты, организации, общественные институты, ... участвующие в воспроизведении культа, ... осуществляемую ими религиозную и нерелигиозную деятельность” [20, с. 18]. Некоторые исследователи включают в число элементов конфессиональной сферы (вместо или параллельно с упомянутыми выше) также “религиозную инфраструктуру” [17] и “атрибутивно-обрядовую составляющую” [8]. Не претендуя на оригинальность, мы, тем не менее, попытаемся несколько уточнить указанные определения. Это необходимо сделать в первую очередь потому, что при использовании той или иной из упомянутых трактовок не всегда возможно провести более или менее четкую границу между указанными составляющими конфессиональной сферы.

Действительно, “общественные институты” могут рассматриваться и как определенным образом упорядоченные социальные объединения: в этом случае их следует отнести скорее к категории «носителей религиозного сознания». Также достаточно спорным является выделение самостоятельного “атрибутивно-обрядового” элемента (вместо “религиозной и нерелигиозной деятельности”), поскольку в этом случае не охваченной вниманием исследователя оказывается иная деятельность, не связанная напрямую с воспроизведением культа. Дискуссионным по отношению к конфессиональной сфере вообще выглядит и употребление термина “религиозная

инфраструктура”⁴. Связано это с тем, что среди всего комплекса элементов конфессиональной сферы крайне проблематично выделить и сгруппировать те, которые оказываются в своего рода подчиненном положении по отношению ко всем остальным. Так, “служителей культа” целесообразно, на наш взгляд, отнести к числу “носителей религиозного сознания”, поскольку признак самоидентификации станет основой скорее для ответа: “Православный (мусульманин, буддист)”, нежели: “Священник (мулла, лама)”, на вопрос об отнесении себя к той или иной религии. Более того, для сравнительно большого числа религиозных традиций деление на “паству” и “служителей культа” в значительной степени условно. Религиозные центры и организации любого звена (как и обычно действующие при них образовательные учреждения) представляют собой скорее определенным образом организованные социальные группы, нежели просто сооружения, здания и т.п. (а именно в этом случае их можно было бы однозначно отнести к категории “второстепенных” объектов конфессиональной сферы).

Таким образом, мы считаем возможным установить следующие сравнительно легко “отделяемые” друг от друга **элементы конфессиональной сферы**:

1) **социальный** элемент – включает все социальные группы и объединения, в основу существования и функционирования которых положен религиозный признак, то есть в конечном счете – конфессионально идентифицирующих себя с некоторой религиозной общностью людей на институциональном уровне, уровнях массового или индивидуального сознания и т.п. (в том числе служителей культа, если выделение данной группы возможно, образовательные, политические организации и религиозные объединения, монашеские ордена, монастырские общины и территориальные аббатства, епархии и митрополии, благочиния, приходы, секты и джамааты и т.п.);

2) **деятельностный** элемент – совокупность действий, осуществляемых социальными группами в соответствии с целью количественного и/или качественного увеличения или адаптации социального и материального элементов конфессиональной сферы (культовая и внекультовая,

⁴ К числу объектов религиозной инфраструктуры А.А. Музалев помимо культовых зданий и сооружений относит также “...религиозные образовательные учреждения (медресе, семинарии, воскресные школы и т.п.), религиозные организации низового звена (приходы, джамааты, общины, секты и т.п.), религиозные центры (монастыри, дацаны и т.п.), служителей культа (священников, мулл, лам, пресвитеров и др.)” [17].

к последней относятся миссионерская, финансово-экономическая, политическая, образовательная, благотворительная и иная деятельность). В данном случае, на наш взгляд, любая деятельность, рассматриваемая в указанных рамках, будет в конечном счете являться религиозной, хотя в первом приближении может и не выглядеть таковой;

3) **материальный** элемент (исключая особое материальное «образование» – человека) – культовые и внекультовые сооружения и объекты, места паломничества и т.п., в которых, по Р.А. Лопаткину, "... объективированы религиозные верования, смыслы, символы и которые выполняют роль мобилизации, организации и упорядочивания деятельности..." [15].

В то же время без ответа остаются вопросы: "Что инициирует объединение людей в разного рода группы, совокупность которых образует социальный элемент конфессиональной сферы? Что служит отправной точкой осуществления их специфической в этом отношении деятельности? Выражением чего, в конечном счете, становятся создаваемые ими материальные результаты этой деятельности?" В связи с этим мы считаем необходимым выделить еще один, четвертый (по своей значимости он должен быть первым) элемент религиозной сферы;

4) **сущностный (религиозное сознание)**, образованный собственно вероучением – сакральным знанием конкретной религии, выраженным в ее священных текстах или передаваемым из поколения в поколение в устной традиции. Необходимым условием существования этого элемента является наличие религиозной веры, понимаемой как "особое психическое состояние уверенности в достижении цели, в наступлении события, в предполагаемом поведении человека" [9]. Вокруг сущностного элемента собственно и организуются все конфессиональные отношения, рассматриваемые в качестве его проявлений в этом мире.

На наш взгляд, вопрос об отнесении каждого из указанных элементов к категории географических объектов достаточно дискуссионен. Определенную сложность в этом отношении представляет прежде всего деятельностный элемент. Очевидно, в данном случае он должен идентифицироваться категорией "процесс". При этом трудно не согласиться с мнением Э.Б. Алаева, что "процессы, отношения, состояния не относятся к категории географических объектов..." [2, с. 53]. Также к числу географических объектов не могут быть отнесены и связи, объединяющие все четыре элемента в единую систему – конфессиональную

сферу, поскольку представляют собой не что иное, как определенного рода отношения. Более того, они (в случае анализа именно конфессиональной сферы) не представляют собой территориально целостных объектов в принципе. Тем не менее, деятельностный элемент конфессиональной сферы, а также формирующие ее межэлементные связи могут выступать в качестве объектов географического исследования, причем само "свойство" геоториальности (территориальности) является не их внутренней характеристикой, а лишь той "призмой", сквозь которую возможно их исследование географами. Сущностный элемент конфессиональной сферы практически совсем выпадает из поля зрения географов, поскольку не является не только географическим объектом, но даже и объектом географического исследования. Действительно, проявляясь в том или ином выражении, он фактически не создает сколь-нибудь значимых отличий одних территорий от других; иными словами, на территориальном "срезе" того или иного вероучения мы обнаруживаем в большинстве своем лишь континуальные признаки.

Это приводит нас к вполне справедливому выводу о том, что **конфессиональная сфера**, представляющая собой проекцию религии на социальную структуру общества, **не является целостным географическим образованием и, следовательно, географическим объектом** в его строгом понимании, **как, впрочем, и сама религия, поскольку отношение между всеми ее элементами не опосредовано геоторией**. Именно поэтому мы не можем согласиться с мнением А.А. Музалева, предлагающего рассматривать "религию как геосистему" [18].

В то же время два из четырех элементов конфессиональной сферы могут быть отнесены к категории географических объектов, поскольку признак геоториальной целостности представляет собой в известной степени внутреннюю по отношению к ним категорию, то есть определяет также и территориальную форму их бытия. В этом случае основной характеристикой данных элементов – социального и материального – является воздействие на окружающую среду и друг на друга. Оно проявляется в пределах определенных ареалов – географических полей, обязанных своим существованием тому или иному географическому объекту. Физическое пространство последнего и образует вкуче с географическим полем его географическое пространство. Иными словами, каждый из элементов конфессиональной сферы, представляющий собой географический объект, создает собственное географическое пространство.

Таким образом, нами установлены те элементы конфессиональной сферы, существование которых определяется одновременно и религиозными, и территориальными категориями. При этом можно констатировать, пусть и достаточно упрощенно, наличие общих элементов конфессионального и географического “множеств”. Не сводимая в целом ни к одному из них, образуемая ими система сама представляет собой “множество”. Последнее, таким образом, суть особая данность, которую мы предлагаем именовать в дальнейшем **конфессиональным геопространством**. Представляя собой сложное образование, оно, как следствие, имеет свою особую территориальную и компонентную структуру, к анализу которой мы и считаем возможным перейти далее.

Примечательно, что из двух “образований” – геопространств материального и социального элементов конфессиональной сферы – более “простым” является первое. Тем не менее, ему “...соответствует сложное географическое пространство, образующееся путем пересечения и взаимопроникновения полей отдельных...” [2, с. 99] субэлементов (см. выше). Последние, действительно, имеют собственное физическое пространство, как и любые материальные образования. При этом **характерная черта материального элемента проявляется в том, что каждый из его субэлементов может являться одновременно очагом и фокусом по отношению к своему географическому полю**. Так, функционирующий храм, с одной стороны, распространяет на окружающую его территорию потоки религиозной “информации” (а возможно и не только информации, учитывая характер деятельностного элемента), а с другой, в свою очередь, стягивает потоки людей, информации и пр. И хотя не всегда возможно четко установить границы данного поля, однако выделить в его пределах участок, характеризующийся наибольшей интенсивностью проявления религиозных признаков того или иного субэлемента, достаточно легко⁵. Иными словами, в пределах географического пространства любого материального субэлемента возможно выделение не только очага и фокуса, но и ядра, а также такого важного участка, как периферия.

В то же время стоит отметить, что зачастую установить фокусный след материального субэлемента легче, нежели очаговый, поскольку в значительном числе случаев лишь первый может

быть идентифицирован по наличию прямых связей с социальным элементом (субэлементом) конфессиональной сферы. В определенной степени правомерен даже вывод о том, что **в территориальном отношении материальный элемент (субэлемент) конфессиональной сферы оказывается «слабее» своего географического поля**. И это – самая яркая особенность его географического пространства. Поясним это на конкретном примере. Очевидно, что стягивание паломников к какому-либо центру может быть оценено в количественном и качественном отношении: установлены субъективные причины его посещения, общие затраты, дальность и способ передвижения, районы “исхода” и т.п. При этом однозначно определить особенности диффузии религиозной “информации” данного центра-очага крайне затруднительно. Тем не менее, данная проблема может быть решена (и успешно решается) в рамках исследований религиоведов, философов и представителей других сфер научного знания. В то же время для специалистов по географии религий тот или иной центр – субэлемент материальной составляющей конфессиональной сферы – интересен прежде всего как фокус, поскольку методы исследования, применяемые в географии, позволяют достаточно подробно рассмотреть территориальные аспекты развития не столько собственно данного центра, сколько его географического поля.

Географическое пространство социального элемента конфессиональной сферы также имеет свои особенности. Образованное его физическим пространством и географическим полем, оно в структурном и функциональном отношении является гораздо более консолидированным, нежели географическое пространство материального элемента. Действительно, с одной стороны, любая социальная группа или даже индивид имеют свое собственное физическое пространство. Однако кардинальное отличие географических пространств двух указанных элементов заключается, разумеется, не в этом. На самом деле его можно рассматривать не столько как отличие, сколько как их общую черту: географические поля как одного, так и другого представлены совокупностью конфессионально идентифицирующих себя с некоторой религиозной общностью людей. Таким образом, и это его главная особенность, **географическое пространство социального элемента конфессиональной сферы характеризует порядок существования исключительно объединенных по конфессиональному признаку социальных групп** – в отношении как их физического пространства, так и географического поля. Разумеется, индивидуальный уровень конфессио-

⁵ Для храма таковым участком может являться, к примеру, зона с повышенной долей населения, посещающего именно данный объект (приход) и предпочитающего при прочих равных условиях именно его среди множества схожих субэлементов.

нальной идентификации при этом продолжает существовать. Однако выделение конфессиональных геополей каждого конкретного индивида на зрелых этапах развития религии вряд ли возможно. И в этом отношении А. Геттнером совершенно справедливо подчеркивалось, что "... личности из географического исследования выпадают... Деяния человека, которые всегда ближайшим образом являются действиями отдельных личностей, могут быть географически охвачены только путем элиминирования личностей и отнесения этих действий к более глубоко лежащим причинам" [7].

Таким образом, можно констатировать единство физического пространства в целом и совокупности географических полей таких социальных групп: указанные составные части (в отличие от таковых материального элемента) представляют собой единое целое и не могут быть выделены в качестве самостоятельных единиц ни при каких условиях. Более того, справедливой представляется точка зрения, что географическое пространство социального элемента есть в определенной степени пространственная проекция социальных (или, если быть более точным, социально-конфессиональных) форм.

Для географии религий данный взгляд на указанную проблему может считаться новым. В то же время представители других научных дисциплин (в частности социологии) высказали схожее соображение достаточно давно. Действительно, основоположником социологии пространства (или, во всяком случае, исследователем, впервые использовавшим данную формулировку) называют Г. Зиммеля, которому принадлежит идея о пространственных проекциях социальных форм. В дальнейшем понятие "социальное пространство" разрабатывалось в трудах П. Сорокина, Т. Парсонса, П. Бурдьё, Э. Берджесса, П. Бергера, Б. Верлена и многих других [28]. Однако наиболее близка к географическому пониманию пространства концепция школы социальной морфологии Э. Дюркгейма, заключающаяся в том, что "территория, ее размеры, конфигурация, состав передвигающегося по ее поверхности населения – все это, естественно, важные факторы социальной жизни; это ее субстрат и, подобно тому, как у индивида психическая жизнь варьирует соответственно анатомическому строению мозга, так же и коллективные явления варьируют соответственно строению социального субстрата" [10]. П. Бурдьё рассматривал социальное пространство как "... многомерный, открытый ансамбль относительно автономных полей...", созданных силовыми отношениями, возникающими в результате взаимодействия их агентов [5]. По П. Бурдьё,

физическое пространство есть проекция социального, результат воздействия на него социальных отношений прошлого и настоящего, что согласуется с пониманием социального пространства в научной школе Э. Дюркгейма. Данную трактовку пространства разделяет (хотя его точка зрения достаточно дискуссионна) отечественный политолог Н.А. Косолапов, который считает, что пространство «характеризует скорее социальную реальность, "наложенную" на территорию» [13]. Лишь в его рамках "... возможно сформировать, долговременно поддерживать, институционально закрепить социальные отношения" [25]. Размышляя о понимании в социологии термина "социальное пространство", социолог и религиовед Р.А. Лопаткин пишет, что оно "функционирует в пределах конкретного физического пространства и делится на ряд подпространств, или полей (политическое, экономическое, конфессиональное и др.), которые могут проникать друг в друга, взаимодействовать или противоборствовать" [15]. В связи с таким пониманием социального пространства в отечественной науке и "прижились" такие понятия, как экономическое, политическое, конфессиональное пространство и многие другие. Причем как всё социальное пространство в целом, так и его отдельные подпространства или их субъекты (по П. Бурдьё – агенты) стремятся к максимальному "присвоению" физического пространства, его расширению или изменению его конфигурации в своих целях. Необходимо отметить, что в социологической трактовке *физическое (объективное) пространство фактически тождественно термину "территория"*; именно в этой трактовке в социологии используются такие понятия, как "конфессиональное пространство России", "конфессиональное пространство страны", "конфессиональное пространство мира" и др. (см. [16]). С этим соглашается социолог Л.Г. Кирьянова, когда пишет, что традиционно в социологических исследованиях *"социальное пространство (его границы) совпадало с географическим пространством, на котором находились люди и общество, это социальное пространство формирующие (посредством своих взаимодействий)"* [12]. Тем не менее, еще в конце 1980-х гг. классиком современной географии Д. Харви была высказана сохраняющая и сейчас свою актуальность точка зрения, согласно которой в дальнейшем, по мере развития современных информационных и коммуникативных технологий, происходит постепенное "выведение" социального взаимодействия за рамки локального (территориального) контекста (пространственно-временная компрессия, по Д. Харви [30]).

Не тривиально понимание пространства швейцарским социологом и географом (или социогеографом, так как он стал “своим” для обеих наук) Бенно Верленом, которое основано на *постмодернистском синтезе* субстанциональной и реляционной его интерпретаций. В результате своих изысканий Верлен приходит к выводу, что пространство – это категория, которая принадлежит к ментальному миру и служит формальному упорядочению воспринимаемых протяженных данностей согласно их положению, оно имеет формально-классификационный характер, само не будучи каким-либо классом. Исходя из этого, предметом современной географии, по Б. Верлену, служит множественность пространственного опыта (см. [31]). Трактовка географического пространства как пространства смыслов оказалась очень плодотворной и для географов, которые активно занялись изучением представлений о пространстве в человеческих общностях, относящихся к различным культурам и религиозным системам (см., к примеру, [11]). К данной трактовке близко понимание конфессионального пространства у культуролога И.А. Арзуманова, который характеризует его “как *фактор высшего, эмпирического и трансцендентного опыта*, символически фиксированного артефактами религиозной культуры” [1].

Делая выводы относительно применимости социологического подхода к изучению пространства в географии (и, более узко, конфессионального геопространства в географии религий), можно согласиться с мнением отечественного исследователя А.С. Титкова, о том, что он применим только в том случае, если объектом исследования в нём взята социальная общность, целостная и упорядоченная, а в основу изучения положена географическая “материальная основа” общества (“социальная морфология”) и отражение социальной организации (“социального пространства”) в географическом пространстве [24, с. 66]. В связи с этим социологический подход, вне всякого сомнения, важен для изучения пространственной организации общества в политической, социальной географии и географии религий⁶.

⁶ Для социологии пространственный подход важен тем, что позволяет выявить и сопоставить глобальные и локальные характеристики процессов, протекающих в религиозной сфере. Однако, по мнению отечественных философов и социологов В.Н. Ярской, Л.С. Яковлева, В.В. Печенкина и О.Н. Ежова, несмотря на взаимный интерес друг к другу социологии и географии, успехи социологии в аспекте изучения географического пространства “неудовлетворительны”, что связано, с одной стороны, с пока еще недостаточным вниманием социологов к научной проблематике пространства, а с другой – с неготовностью географов выйти за привычные рамки своей науки. В результате между

Таким образом, своеобразным “генератором” *конфессионального геопространства, по нашему мнению, служит верующее население, которое разделяет ценности этой религии. Это значит, что его культурная и в значительной степени экономическая и социально-политическая жизнь* (в том числе демографическое поведение, политические предпочтения, особенности хозяйственного строя и социальной организации, структура питания и др.) *определяется ее канонами.* И в этом отношении исключительно важным и перспективным представляется детальное изучение прежде всего в целом конфессионального геополя и в частности его составляющих, соответствующих участкам воздействия (ареалам) сущностного элемента конфессиональной сферы на экономическое, демографическое и политическое развитие его социального элемента.

В этой связи для конфессионального геопространства исключительно важна территория, подвергаясь своеобразному “облучению” *сущностным элементом* той или иной религии. Ее результатом становится появление определённого количества верующих (адептов) и постепенное формирование социального, а затем деятельностного и материального элементов *данной религии. Интенсивность и скорость образования всех элементов конфессиональной сферы и, таким образом, формирование самого конфессионального геопространства зависит, прежде всего, от количества носителей этой религии на конкретной территории.* Первоначально, обычно, их число имеет максимальные значения в районе возникновения религии – первичном ядре. Но в связи с тем, что характер распространения конфессионального геополя имеет “центробежный” характер, наблюдается его территориальное смещение. Данный процесс происходит при дальнейшем распространении религии среди населения в результате либо прозелитической деятельности (миссионерства), миграций последователей, либо, наконец, в результате прямого завоевания территории ее адептами. Следствием этих процессов может являться и территориальное смещение (трансформация) ядра конфессионального геопространства. В результате может происходить полная или частичная утрата данной территории для геопространства данной религии, либо превращение прежнего его ядра в периферию (при этом образование нового ядра может происходить и при сохранении ядра первичного).

социологией и географией “пока еще подлинно масштабного взаимопроникновения не происходит” (см. в этой связи [21, 29]). Добавим, что подобное “взаимопроникновение” могло бы стать весьма плодотворным для обеих наук.

Данные процессы происходили с геопространством христианства, которое фактически “покинуло” территорию своего возникновения – Палестину, приобретя множество адептов в Европе и Америке; или буддизма, который на столетия прекратил свою деятельность в Индии, получив широкое распространение в Восточной и Юго-Восточной Азии; или ислама, для которого на много веков пески Аравии превратились в глубокую периферию по сравнению с плодородными землями Благодатного Полумесяца. Однако в сакральном смысле центры этих религий оставались в священных для них местах возникновения: для христианства – в Иерусалиме, для буддизма – в Бихаре, для ислама – в Мекке. Но бытие религии, пути её развития, определяет вовсе не ее прошлое – религиозно-культурное наследие, пусть и сакрализованное, а потребности современных адептов. Собственно субэлементы материальной составляющей конфессиональной сферы (храмы, кладбища, монастыри, оборудованные объекты поклонения и др.), более “инертные”, чем их геополя, сохраняются на прежнем месте, становясь частью культурного ландшафта территории, а иногда могут даже переходить “по наследству” другим религиям, становясь частью уже другого конфессионального геополя. Известны случаи, когда один и тот же храм, лишь перестраиваясь, был сакральным центром для нескольких, сменявших друг друга во времени на этой территории религий. В качестве примера можно упомянуть известную мечеть Омейядов в Дамаске, сперва существовавшую как римский храм, потом ставшую христианской базиликой Иоанна Крестителя, а впоследствии уже перестроенную как мечеть. Причем почитаемая христианами гробница Иоанна Крестителя сейчас входит как составная часть в комплекс мечети и почитается мусульманами наравне с христианами. Возможна также ситуация, когда материальные субэлементы “переживали” духовные традиции, объектами культа которых являлись. Так древнеегипетские пирамиды или афинский Парфенон – теперь лишь туристские аттракционы, реликты существовавших прежде геополей древнеегипетской религии и античного язычества. Многие грандиозные соборы Европы, доминирующие в ее культурном ландшафте, посещаются ныне в основном туристами, в то время как небольшие и примитивные по своей архитектуре молельные дома в Тропической Африке полны верующими.

Изменение геопространства конкретной религии, его расширение либо, наоборот, уменьшение, является следствием, прежде всего, конкуренции

религий на уровне глобального конфессионального геопространства. Конфигурация конфессионального геопространства, таким образом, формируется как результат исторического процесса распространения одних религий по территории Земли (в связи с миссионерством, приведшим к увеличению численности ее адептов или/и миграции её прежних последователей) и ослаблением или даже исчезновением других, происходящим из-за потери своей паствы. Постоянное возникновение в пределах глобального конфессионального геопространства новых форм религиозности, связанное с изменением социально-экономических условий, усиливает “конкуренцию” между геопространствами религий, его “образующих”. При этом право на увеличение своего геополя «обосновывается» не только большей “истинностью” религиозной доктрины или историческим прошлым территории, связывающей ее с культурным наследием данной религии, но и степенью “освоенности” его религией, то есть наличием значительной по численности адептов общины этой религии.

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что географическое пространство социального элемента конфессиональной сферы является аналогом социального пространства в его понимании Г. Зиммелем, Э. Дюркгеймом, П. Бурдьё и их последователями. Последнее, более того, может выступать как часть конфессионального геопространства при условии, что в качестве социальных рассматриваются конфессионально упорядоченные группы людей. Вторая составляющая конфессионального геопространства, как было показано выше, образована географическим пространством материального элемента конфессиональной сферы. Взаимопроникновение (а, в условиях взаимозависимости, и наложение) данных пространств и образует, в конечном счете, конфессиональное геопространство – **совокупность отношений между религиозно идентифицирующими себя (на институциональном уровне, уровнях массового или индивидуального сознания) людьми и создаваемыми ими в результате их конфессионально обусловленной деятельности культовыми и внекультовыми объектами, расположенными на конкретной территории (геотории) и развивающимися во времени.** Таким образом, если, “... географическое пространство – и есть наиболее общий объект географических исследований” [3], то в качестве объекта изучения географии религий выступает, по нашему мнению, именно конфессиональное геопространство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арзуманов И.А.* Трансформация пространства религиозной культуры Байкальского региона в транс-азиатском контексте (XX–XXI вв.): Автореф. дис. д-ра культурологии. М., 2008. С. 20.
2. *Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983. 350 с.
3. *Бакланов П.Я.* Структуризация географического пространства – основа теоретической географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. Дружинина А.Г., Шувалова В.Е.: Материалы Междунар. науч. конференции. Ростов н/Д: ЮФУ, 2010. С. 13.
4. *Бедаш Ю.* Пространство как проблема постметафизической философии // Топос. 2009. № 1 (21). С. 94–113.
5. *Бурдые П.* Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 82.
6. *Бурдые П.* Физическое и социальное пространства // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2007. С. 49–63.
7. *Геттнер А.* География. Ее история, сущность и методы. М.; Л.: ГИЗ, 1930. С. 121.
8. *Горина К.В.* Географическая специфика формирования конфессионального пространства Забайкальского края: Дис. к-та геогр. наук. Улан-Удэ, 2011. С. 5.
9. *Данильян О.Г., Тараненко В.М.* Религиоведение. М.: Эксмо, 2005. С. 51–52.
10. *Дюркгейм Э.* Социология, ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 275.
11. *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб: Алетейя, 2003. 331 с.
12. *Кирьянова Л.Г.* Общество в контексте глобально-локальных отношений. Томск: Дельтаплан, 2007. С. 35.
13. *Косолапов Н.А.* Пространственно-организационный подход к анализу международных реалий // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 3 (15). С. 57.
14. *Лейбниц Г.-В.* Переписка с Кларком // Сочинения в четырех томах: Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 441.
15. *Лопаткин Р.А.* К социологической интерпретации понятия «конфессиональное пространство» // Материалы III Всеросс. социологического конгресса. М.: Институт социологии РАН, Российское общество социологов, 2008. Режим доступа: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210762439.pdf (дата обращения: 14.06.2012).
16. *Лопаткин Р.А.* Социологическая интерпретация понятия «религиозная ситуация» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2004. № 1–2. С. 79–89.
17. *Музалёв А.А.* К вопросу о географии религий и о понятии “религиозная геосистема” в географическом исследовании // Вестник Адыгейского гос. ун-та: сетевое электронное научн. изд. 2007. № 1. Режим доступа: http://www.vestnik.adygnet.ru/files/2007.1/436/muzalev2_2007_1.pdf (дата обращения: 24.03.2012).
18. *Музалёв А.А.* Территориальные особенности институциональной организации религиозных геосистем на Северном Кавказе // Геоконфликтология 2008. Материалы ноябрьской конференции. СПб, 2008. Режим доступа: <http://geoconflict.narod.ru/2008/muzalev.html> (дата обращения: 18.12.2011).
19. Новая философская энциклопедия: в 4 тт. Т. 3 / Предс. науч.-ред. совета Степин В.С. М.: Мысль, 2010. С. 370.
20. *Сафронов С.Г.* Географические аспекты изучения религиозной сферы России: Дис. к-та геогр. наук. М., 1998. 200 с.
21. *Смирнягин Л.В.* О региональной идентичности // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 17. Меняющаяся география зарубежного мира / Под ред. Фетисова А.С., Ивановой И.С., Кузиной И.М. М.; Смоленск: Ойкумена, 2007. С. 21–49.
22. *Сорокин П.А.* Социальная стратификация и мобильность // Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 295–424.
23. *Стрелецкий В.Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2002. № 4. С. 18–28.
24. *Титков А.С.* Социально-политическая структура пространства Европейской России начала XX века (по материалам выборов в Государственную думу 1906–1912 годов): Дис. к-та геогр. наук. М., 2008. 315 с.
25. Транснациональное политическое пространство: новые реальности международного развития / Отв. ред. М.В. Стрежнева. М.: ИМЭМО РАН, 2010. С. 5.
26. *Трубина Е.Г.* Поворот к пространству: междисциплинарное движение и сложности его популяризации // Политическая концептология. 2011. № 4. С. 36.
27. *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 40.
28. *Чернявская О.С.* Социальное пространство: обзор теоретических интерпретаций // Вест. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Социология. Психология. Философия. 2008. № 5. С. 329–335.
29. *Ярская В.Н., Яковлев Л.С., Печенкин В.В. и др.* Пространство и время социальных изменений. Саратов: Научная книга, 2004. С. 91.
30. *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change. Cambridge– Oxford: Blackwell Publishers, 1990. 378 p.
31. *Werlen B.* Gesellschaft, Handlung und Raum: Grundlagen handlungstheoretischer Sozialgeographie. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1988. 314 s.

Confessional Geospace as the Object of Study of Geography of Religions

S.A. Gorokhov

Institute of geography RAS

The article is devoted to defining confessional geospace as the object of study of geography of religions. The structure of religious sphere in the context of the category “space” is analyzed in detail. Particular attention is paid to the exposure of the confessional and geographical spaces’ common elements.